

Мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи: региональный аспект

М. Ю. Бареев

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)
bareevmaksim@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью влияния религиозных норм и ценностей на повседневную жизнь общества. Процесс духовной интеграции при сохранении национальной социокультурной идентичности татар актуализировал в массовом сознании религиозные ценности, утверждение которых определяет обращение к традиционным для татарского населения Республики Мордовия мусульманским ценностям. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить уровень и характер восприятия мусульманских ценностей современной татарской молодежью Республики Мордовия.

Материалы и методы. Статья базируется на социологическом исследовании «Традиционные мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи», проведенном автором в октябре 2022 г. В анкетном опросе приняли участие 100 чел. Данный метод позволил с высокой достоверностью воспроизвести «микромодель» генеральной совокупности на основе заранее выбранных квот, отражающих социально-демографические характеристики объекта.

Результаты исследования. Выявлен достаточно высокий уровень восприятия мусульманских ценностей современной татарской молодежью, в частности норм и ценностей, связанных с добрым и брачным поведением, ограничений в питании и манере одеваться, выполнении иных религиозных предписаний. В то же время такие ценностные аспекты, как благотворительность (помощь ближнему), распределение внутрисемейных социальных ролей в соответствии с нормами шариата, несут весьма противоречивый характер и в целом не находят высокого уровня восприятия.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что религия оказывает значимое влияние на многие аспекты жизни молодых татар. Полученные нами данные будут полезны ученым, исследующим религиозные практики, а также преподавателям мусульманских религиозно-просветительских учебных заведений.

Ключевые слова: татарская молодежь, мусульманские ценности, традиции и нормы, ислам, шариат, брачное поведение, татарский язык, национальная идентичность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бареев М. Ю. Мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи: региональный аспект // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 4. С. 720–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>

© Бареев М. Ю., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Muslim Values in the Perception of Modern Tatar Youth: A Regional Aspect

M. Yu. Bareev

National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)
bareevmaksim@rambler.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the small study of the influence of religious norms and values on the daily life of society. The process of spiritual integration while preserving the national socio-cultural identity of the Tatars actualized religious values in the mass consciousness. The approval of which determines the appeal to the traditional Muslim values for the Tatar population of the Republic of Mordovia. The purpose of the article is to determine the level and nature of the perception of Muslim values by the modern Tatar youth of the Republic of Mordovia based on the results of the study.

Materials and Methods. The article is based on the sociological study “Traditional Muslim values in the perception of modern Tatar youth” conducted by the author in October 2022. 100 people took part in the questionnaire survey. This method allowed to reproduce with high reliability the “micro-model” of the general population on the basis of pre-selected quotas reflecting socio-demographic characteristics of the object.

Results. A sufficiently high level of perception of Muslim values by modern Tatar youth has been revealed, in particular norms and values related to premarital and marital behavior, restrictions in nutrition and the manner of dressing, the fulfillment of other religious prescriptions, at the same time such value aspects as charity (helping one’s neighbor), the distribution of intra-family social roles in accordance with Sharia norms, they are very contradictory in nature, and generally do not find a high level of perception.

Discussion and Conclusion. The study showed that religion has a very significant impact on many aspects of the life of young Tatars. The data we have obtained will be useful to scholars researching religious practices as well as to teachers of Muslim religious and educational institutions.

Keywords: Tatar youth, Muslim values, traditions and norms, Islam, sharia, marital behavior, Tatar language, national identity

Conflict of interests. The author declares that there is not conflict of interest.

For citation: Bareev M.Yu. Muslim Values in the Perception of Modern Tatar Youth: A Regional Aspect. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):720–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>

Введение. Процессы социальной трансформации, происходящие в российском обществе, так или иначе определяют различные аспекты жизни людей. Исследования социологов, политологов, философов, экономистов прямо указывают на значительные изменения в финансово-экономической, социально-политической и духовной сферах российского общества.

Социально-экономическая нестабильность и внешнеполитическая турбулентность меняют многие установки массового сознания. Эти процессы неразрывно связаны с трансформацией ценностных систем и формированием, по сути, их обновленной иерархии, в том числе и за счет адаптации некоторых религиозных ценностей.

Интеграционные процессы в духовной сфере российского общества и сохранение социокультурной идентичности татар региона актуализировали в общественном сознании религиозные ценности, которые определяются обращением к традиционным для татарского населения Республики Мордовия мусульманским ценностям. Принятие мусульманских ценностей современной татарской молодежью напрямую связано с исламской идентичностью. При этом традиционные

мусульманские ценности являются неотъемлемой составной частью базовых общечеловеческих ценностей, сыгравших значительную роль в истории всей человеческой цивилизации и продолжающие оказывать огромное влияние на самые разные области нашей повседневной жизни.

В исламе, как и в любой мировой религии, можно выделить следующие основные (базовые) ценности: вера, жизнь, продолжение рода, разум, собственность. Обозначенные ценности нашли свое отражение и в нормах шариата. Также наряду с базовыми общечеловеческими в исламе существуют ценности, связанные непосредственно с религиозными предписаниями. Таким образом, мусульманские ценности – это не только базовые жизненные ценности, но и нравственные принципы, нормы и правила жизни в соответствии с законами шариата.

Вся жизнь мусульманина достаточно строго регламентируется нормами. Например, в традиционном (суннитском) исламе существуют вещи, которые обязательны к исполнению, такие как пятикратный намаз, отказ от алкоголя, свинины и пр. Существуют также вещи необязательные, но желательные, например, ношение женщинами хиджаба или бороды для мужчин, знание культуры и традиций своего народа. Существует и то, что запрещено исламом (харам) – сомневаться во всемогуществе Аллаха, давать деньги в рост (лихва), для женщин выходить замуж за немусульманина и т. д. Есть также не запрещенные, но при этом нежелательные вещи, например, мусульманину жениться на немусульманке, праздновать (отмечать) немусульманские праздники, устраивать поминки и пр.

Изучение влияния религиозных ценностей на повседневную жизнь общества в отечественной социологии представлено достаточно скудно, те работы, которые имеются, рассматривают преимущественно христианско-православные ценности, в то время как влияние мусульманских ценностей на массовое сознание и поведение россиян изучено крайне мало, что дополнительно актуализирует данную проблему.

Цель статьи – на основании авторского социологического исследования выявить характер вовлеченности татарской молодежи Республики Мордовия в религиозные (мусульманские) практики, благодаря чему появляется возможность оценить уровень восприятия традиционных мусульманских ценностей объектом исследования.

Обзор литературы. Религиозным ценностям посвящено немало работ философско-богословского характера, в то время как социологический подход в изучении данных ценностей в научных публикациях представлен незначительно.

Исследования религиозных ценностей с позиции философского подхода во многом определили идеи таких ученых-философов, как Платон, Филон Александрийский, И. Кант и др. Основные принципы изучения религии с позиции социологии были заложены М. Вебером, Э. Дюркгеймом, К. Марксом и др.

Одним из первых и, пожалуй, самым известным эмпирическим исследованием ценностей как таковых является работа У. Томаса и Ф. Знанецкого¹, в которой ученые проводят операционализацию самого понятия ценности, а также выявляют две ключевые закономерности: зависимость индивида от социальной организации и наоборот. С именем французского социолога Г. Ле Бра во многом

¹ Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. New York : Alfred A Knopf, 1927.

связано превращение социологии религии в самостоятельную научную дисциплину. В своих работах он сумел убедить научный мир в необходимости изучать не столько доктринальные особенности вероучения, сколько повседневное поведение рядовых верующих².

Вопросы взаимодействия религии и современного общества поднимает британский социолог Б. Тернер. В своем исследовании он анализирует работы достаточно широкого круга социологов, так или иначе занимавшихся вопросами религии; акцентирует антропологическую составляющую в их исследованиях, настаивая на том, что при рассмотрении религии нужно уделять внимание не только описанию религиозных практик, но и их восприятию носителями той или иной конфессии [1]. Вместе с тем Р. Инглхарт отмечает значительный упадок влияния религиозных ценностей в западном мире. По его мнению, с 2007 по 2020 г. почти все страны стали менее религиозны, однако именно в западных странах этот феномен проявляет себя особенно ярко. При этом упадок религии в мире, как отмечает ученый, – одно из самых серьезных явлений за всю историю³.

Влияние религиозных практик на уровень психологического состояния людей исследуют Д. Р. Пейн и С. Дж. Сэндидж. Авторы главным образом изучали связь между религиозной вовлеченностью и депрессией, где была выявлена отрицательная корреляция между ними [2]. Я. А. Шейбле и Ф. Фляйшманн изучают проблемы так называемой гендеризации исламской религиозности. В своей работе они рассматривают гендерные различия в религиозных практиках среди мусульманских меньшинств в Западной Европе и подчеркивают важность учета гендерных различий при изучении религиозности среди мусульманских меньшинств [3].

Среди российских ученых, занимающихся вопросами взаимодействия религии и общества, выделим Л. В. Воронцова, С. Б. Филатова и Д. Е. Фурмана как одних из первых исследователей динамики религиозности массового сознания россиян. Ими предложена интерпретация данных трех социологических опросов, проводившихся с 1990 по 1992 г. в рамках исследования взаимосвязи религиозных и политических взглядов в массовом сознании россиян [4]. Исследователей в первую очередь интересовала глубинная структура массового сознания – во что люди верят или стремятся верить, что для них есть добро и зло, а не меняющийся рейтинг политиков той эпохи.

Влияние этнокультурных архетипов на ценностные ориентации российского общества рассмотрены в работах А. В. Лубского, где российская государственность представлена как организованная форма общества со своей особой национально-государственной идеей, в которой «русский православный культурный архетип в качестве идеала государственной власти санкционировал в первую очередь власть единоличную (ответственную), сильную (авторитетную) и справедливую (нравственную). Этот “образ” власти был ориентирован на умеренный авторитарный идеал, который всегда сочетался с коллективным демократизмом охлократического толка»⁴.

² Le Bras G. *Études de sociologie religieuse*, Paris : Presses universitaires de France, 1956.

³ Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 238 с.

⁴ Лубский А. В. Какова связь между российской государственностью и русским культурным архетипом? // *Культурология в вопросах и ответах*. М. : Гардарики, 1999. С. 153–158

В работах В. И. Гараджи и Б. В. Дубинина изучены различные аспекты влияния религиозного фактора на повседневную (бытовую) жизнь людей, в том числе формирование духовности, восприятия религиозных норм и др.⁵ [5]. Рассмотрение религии не только как мировоззренческого инструментария или нравственно-эмоционального состояния, но и как фактора, влияющего на разные социальные процессы, можно найти в публикациях М. П. Мчедлова [6] и Ж. Т. Тощенко⁶, среди них взаимоотношение религии с государством, политикой, экономикой, СМИ, пенитенциарной системой, а также с различными социальными группами и сообществами.

Содержание христианских ценностей в массовом сознании (бессознательном) жителей исследует Т. Н. Анциферова [7], определяя характер их воздействия на формирование комплекса ценностных ориентаций современного российского общества. Попытка выявить субъективные оценки религиозных нормативных и ненормативных практик священнослужителями и прихожанами православных храмов была предпринята Е. А. Коваль, С. Г. Ушкиным, А. А. Сычевым и Н. В. Жадуновой [8].

Среди ученых, исследующих проблемы ислама в нашей стране, выделим работы Р. М. Мухаметшина и А. А. Закирова, в которых рассматриваются основные закономерности функционирования ислама и его институтов в мусульманском обществе Республики Татарстан и всего Волго-Уральского региона в XX в. [9; 10]. Учеными анализируются современные процессы в системе религиозных отношений Татарстана, оценивается деятельность Духовного управления мусульман Республики Татарстан, мусульманского духовенства, раскрываются механизмы использования исламского фактора общественно-политическими организациями и движениями. Также авторы дают оценку феномена восприятия религиозного реформизма в общественной мысли мусульман.

Процессы религиозного возрождения среди татарского населения Республики Татарстан рассматривает Л. Каримова. Опираясь на этнографические и социологические исследования татарских женщин-мусульманок, а также дискурсивный анализ историй их жизни, автор утверждает, что в основе возрождения исламской религиозности лежат дискуссии о природе ислама, который должен быть неотъемлемой частью татарской идентичности. Л. Каримова приходит к выводу, что татары-мусульмане осознают значимую роль религиозного образования и соблюдения мусульманских норм для установления и поддержания своей мусульманской идентичности [11].

Проблемы шариата и «традиционного татарского ислама» исследует Р. Гарипова [12]. Концепция «традиционного татарского ислама», не так строго придерживающегося некоторых норм шариата, сформировалась в постсоветский период, когда советская идентичность разрушалась и люди находились в поисках новых убеждений, а национальная татарская идентичность была неотделима от мусульманской идентичности. Идея традиционного татарского ислама, по словам Р. Гариповой, стала реакцией на внешние влияния, которая начала обособлять

⁵ Гараджа В. И. Социология религии : учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2021. 304 с.

⁶ Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М. П. Мчедлов. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 62–85.

татарско-мусульманское население России от иностранных мусульманских идентичностей. Вместе с тем Л. Ди Пуппо стремится изучить сдвиги в дискуссиях о «традиционном татарском исламе» в сторону более богословского понимания этого термина. Автор рассматривает это как попытки разработать местную интерпретацию ислама, которая хотя и основана на универсальных религиозных нормах, но не противоречит татарским национальным традициям и светскому современному образу жизни [13].

Анализ современного состояния ислама в России дает также А. В. Малашенко. Его работы главным образом посвящены вопросам современного состояния межконфессиональных отношений и перспективам их развития [14], а также идеологической функции ислама в XXI в. и его роли в общественно-политических процессах современной России [15]. В работе Я. З. Гарипова и соавторов проанализированы процессы, связанные с ростом конфессионального и этнического самосознания молодежи, их влияние на межнациональные отношения, политические ориентации, систему ценностей, а также роли этнорелигиозного фактора в ее социализации⁷. Также учеными исследуются ценностные ориентации мусульманской молодежи и процессы конфессиональной социализации в контексте формирования толерантных межконфессиональных отношений⁸ [16].

Несмотря на наличие некоторого числа работ, посвященных этническому самосознанию и конфессиональной социализации татарской молодежи, обзор научной литературы свидетельствует о недостаточной изученности характера вовлеченности татарской молодежи России в религиозные практики и, как следствие, восприятия ими традиционных религиозных (мусульманских) ценностей.

При этом для общественно-политического и научного сообщества несомненный интерес представляют особенности социализации и процесс формирования конфессиональной идентичности современной мусульманской молодежи в России. В качестве примера нами исследована Республика Мордовия как регион, давно зарекомендовавший себя в качестве политически стабильного, отличающегося гармоничными межконфессиональными и межэтническими отношениями, где татары как основные носители ислама являются третьим по численности этносом и составляют более 5 % населения республики.

Материалы и методы. В статье использовались материалы социологического исследования, проведенного автором в октябре 2022 г. Данные, полученные в ходе опроса, позволили оценить не только вовлеченность индивидов в религиозные практики, но и оценить уровень восприятия ими тех или иных религиозных норм и ценностей. В качестве метода сбора социологической информации выступал онлайн-опрос, проведенный с помощью инструмента Google Forms. Выборка квотная, объем составил 100 чел. В рамках данной выборки осуществлялся направленный отбор респондентов татарской национальности в возрасте 18–35 лет.

⁷ Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана : язык, религия, этничность / Я. З. Гарипов [и др.]. Казань : РИЦ «Школа», 2000. 138 с.

⁸ Нуруллина Р. В. Становление конфессиональной идентичности мусульманской молодежи (на материале Республики Татарстан) : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2010. 23 с.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Также критериями квотирования выступали пол респондентов и место их проживания (город/село). Данный подход обусловлен отсутствием основы для формирования вероятностной выборки, поскольку нет официальных статистических данных по общему количеству проживающих в регионе татар в возрасте от 18 до 35 лет. Тем не менее при условии соблюдения параметров квот данный объем выборки вполне достаточен для получения разведывательных данных о предмете исследования, позволяя с высокой достоверностью воспроизвести «микромодель» генеральной совокупности.

Обработка полученных данных осуществлялась в программе Microsoft Excel 2021. При обработке использовались как одномерные, так и двумерные распределения признаков.

В дальнейшем нами планируется проведение более масштабного исследования восприятия традиционных мусульманских ценностей жителями татарской национальности.

Результаты исследования. В распределении приоритетов так называемых базовых жизненных ценностей, как и ожидалось, на первом месте у опрошенных шли «семейное благополучие» и «собственное здоровье», далее – «материальный достаток» и «самореализация». При этом двое респондентов в выборе базовых ценностей в графе «другое» написали «духовность» и «религиозность» в качестве одного из трех важнейших ценностных приоритетов, а один респондент к наиболее важным базовым ценностям отнес «успех страны».

Большинство (55 %) опрошенных татар хорошо знакомы с традициями и культурой своего народа, чуть менее половины их «немного знают», совсем не знакомы лишь 3 % респондентов. Также большинство опрошенных так или иначе владеют татарским языком (рис. 1). При этом в селе уровень владения татарским языком оказался заметно выше, чем в городе. Все это является свидетельством достаточно сильной национальной идентичности современной татарской молодежи, проживающей в регионе.

Что касается одного из базовых принципов ислама (во всем полагаться на Аллаха), то здесь также зафиксирован весьма высокий показатель: большинство (52 %) опрошенных считают, что «все в руках Аллаха». Однако при этом лишь 10 % респондентов регулярно посещают мечеть, более половины это делают редко или крайне редко.

Благотворительностью регулярно занимаются лишь 28 % респондентов, что является относительно низким показателем по сравнению с аналогичными данными в Республике Татарстан [17]. Между тем благотворительность также является одним из столпов ислама.

Исключительно пищей халяль питаются 41 % опрошенных, данный показатель стал для нас весьма неожиданным (предполагалось, что он будет существенно меньше), при том что в Мордовии не так много магазинов, продающих халяльную продукцию. Также примерно пятая часть (21 %) респондентов хоть и не питается исключительно пищей халяль, однако придерживается ограничений на употребление свинины и алкоголя (рис. 2).

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос о владении татарским языком среди респондентов, %⁹

F i g. 1. Knowledge of the Tatar language, %

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос о соблюдении ограничений в питании, накладываемых исламом, %

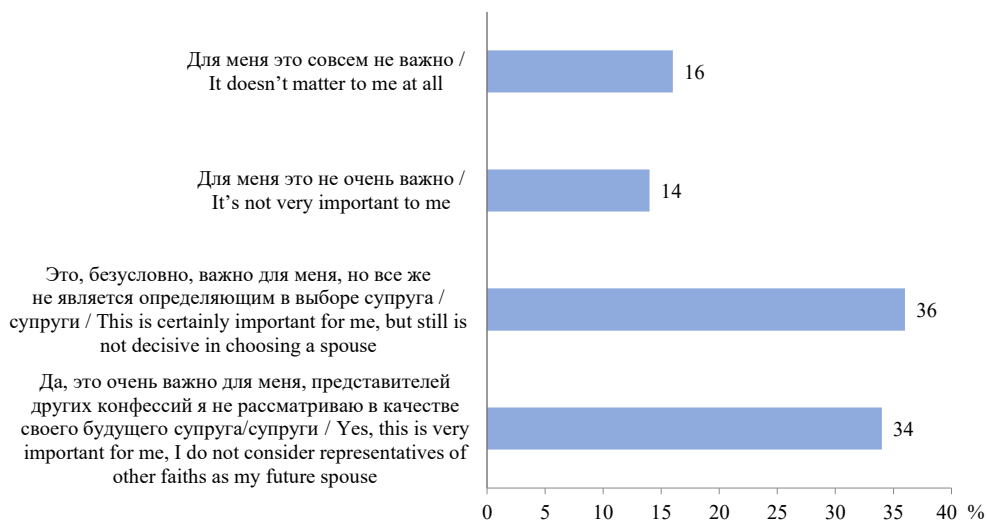
F i g. 2. Distribution of answers to the question about following dietary restrictions imposed by Islam, %

Значительная доля опрошенных старается одеваться в соответствии с нормами, предписанными шариатом. Так, 34 % респондентов оценили свой гардероб на 5 и 4 балла (по 5-балльной шкале) – соответствующим традиционным исламским нормам.

Несмотря на то, что ислам более категоричен в возможности выбора брачного партнера по отношению к женщинам, статистически значимых различий в ответах между не состоящими в браке мужчинами и женщинами на вопрос «Для Вас важно, чтобы будущая жена/муж были с Вами представителями одной веры?» не наблюдалось. В то же время для большинства респондентов это важный фактор в выборе брачного партнера (рис. 3). Гендерных различий в данном вопросе для уже состоящих в браке респондентов также не наблюдалось: доля тех, чей супруг/супруга оказались немусульманами, была приблизительно одинаковой как для мужчин, так и для женщин, но в целом доля тех, чей супруг(а) были мусульманами, была значительно выше (78 % против 22 %).

⁹Здесь и далее в статье рисунки составлены автором.

Р и с. 3. Распределение ответов на вопрос «Для Вас важно, чтобы будущая жена/муж были с Вами представителями одной веры?», %

F i g. 3. Distribution of answers to the question "Is it important for you that the future wife/husband are representatives of the same faith as you?", %

В отношении к интимной близости до заключения брака мнения респондентов разделились приблизительно поровну: одна половина опрошенных относится к этому в целом положительно, другая половина – отрицательно. При этом, по данным ряда социологических опросов [18], исследовавших добрачное поведение молодежи, количество противников добрачных сексуальных отношений минимально, что в целом плохо коррелирует с данными нашего опроса. С одной стороны, выборка нашего опроса не вполне репрезентативна, чтобы делать какие-то однозначные выводы относительно национальных и религиозных различий в моделях добрачного поведения современной молодежи, с другой – накладываемые исламом ограничения в отношении интимной близости до заключения брака (особенно по отношению к девушкам) могли повлиять на структуру распределения ответов, тем более что большинство опрошенных были женщины.

Две трети опрошенных согласились с утверждением, что «руководящую роль в семье должен выполнять мужчина». Данный факт хорошо согласуется с ценностями ислама, где главенствующую роль в семье непременно должен занимать мужчина. С другой стороны, это может являться пережитком патриархального уклада семейных отношений, который существует и по сей день в большинстве стран мира. 16 % респондентов затруднились с ответом на вопрос о руководящей роли мужчины в семье, и только 18 % опрошенных не согласились с данным утверждением (преимущественно женщины).

В традиционном исламе нежелательно, чтобы женщина (жена) в семье работала. Согласно шариату, полностью обеспечивать семью должен мужчина, а на женщину ложатся обязанности по обустройству домашнего быта, приготовлению пищи и воспитанию детей. Однако при ответе на вопрос

«Как Вы считаете, должна ли женщина в семье работать?» никто из респондентов не ответил однозначно «нет, не должна», подавляющее большинство предпочло вариант «если хочет, может работать там, где ей нравится, однако основная обязанность по содержанию семьи должна быть все равно на муже». Вместе с тем 14 % согласились с тем, что «женщина должна также работать и вносить свой вклад в общий семейный бюджет». С одной стороны, это может указывать на определенный уровень эмансипации современных мусульманок в России, с другой – на то, что основную долю ответственности по содержанию семьи, по мнению респондентов, все же должен нести мужчина. Здесь, вероятно, также имеет место пережиток патриархального уклада семейных отношений, который и сейчас существует в большинстве стран мира, особенно в странах с развивающейся экономикой.

Заключительный вопрос исследования был посвящен выявлению мнения респондентов о том, в какой традиции должен воспитываться ребенок в семье: в первую очередь в традициях ислама или светского российского государства. Большинство опрошенных считают, что их дети должны воспитываться в первую очередь в традициях ислама, и лишь чуть более трети (38 %) – в светских традициях российского государства. На наш взгляд, данное распределение указывает на весьма сильное влияние ислама на ценностные установки современной татарской молодежи.

Обсуждение и заключение. Подводя итог нашему исследованию, можем констатировать, что в целом наблюдается достаточно высокий уровень восприятия традиционных мусульманских норм и ценностей современной татарской молодежью, в частности норм и ценностей, связанных с добрачным поведением, выбором брачного партнера, ограничениями в питании и манерой одеваться. В то же время такие ценностные аспекты, как благотворительность (помощь ближнему), распределение внутрисемейных социальных ролей в соответствии с нормами шариата, носят среди респондентов весьма противоречивый характер и в целом, на наш взгляд, не находят высокого уровня восприятия. Существенных различий по большинству ответов между жителями города и села также не выявлено.

Таким образом, традиционные мусульманские ценности оказывают достаточно сильное влияние на многие аспекты жизни современных молодых людей татарской национальности. При сопоставлении проведенного исследования с нашими прошлыми работами [19] можно прийти к выводу, что за последние пятнадцать лет не прослеживаются значимые изменения в восприятии мусульманских ценностей татарами региона.

Результаты, полученные в данном исследовании, способствуют развитию научных представлений о религиозном сознании татарской молодежи и его влиянии на соблюдение традиционных мусульманских норм и практик. Материалы статьи могут быть использованы при составлении учебных курсов для преподавателей мусульманских религиозно-просветительских учебных заведений, в которых будут затрагиваться вопросы нормативного характера. При этом более детального изучения требуют выявление некоторых аспектов брачного и добрачного поведения татарской молодежи, обозначение контуров их этнорелигиозной и гражданской идентичности. Дальнейшая перспектива

подобного рода научных изысканий нами видится в переходе с регионального на межрегиональный уровень (Приволжский федеральный округ), где бы исследовалась татарская молодежь не только Республики Мордовия, но и других регионов плотного проживания татар в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turner B. S. Religion and Modern Society. Citizenship, Secularisation and the State. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 344 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975660>
2. Paine D. R., Sandage S. J. Religious Involvement and Depression: The Mediating Effect of Relational Spirituality // *Journal of Religion and Health*. 2017. Vol. 56, no. 1. Pp. 269–283. <https://doi.org/10.1007/s10943-016-0282-z>
3. Scheible J. A., Fleischmann F. Gendering Islamic Religiosity in the Second Generation: Gender Differences in Religious Practices and the Association with Gender Ideology among Moroccan- and Turkish-Belgian Muslims // *Gender and Society*. 2013 Vol. 27, issue 3. Pp. 372–395. <https://doi.org/10.1177/0891243212467495>
4. Воронцова Л. В., Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия в современном массовом сознании // *Социологические исследования*. 1995. № 11. С. 81–91. URL: <http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html> (дата обращения: 28.06.2023).
5. Дубин Б. В. Религиозная вера в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 1 (39). С. 31–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-vera-v-rossii-90-h-godov> (дата обращения: 28.06.2023).
6. Мчедлов М. П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // *Социологические исследования*. 2006. № 10 (270). С. 33–40. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-10/mchedlov.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).
7. Анциферова Т. Н. Религия в условиях информатизации социальной реальности // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 5 (123). С. 73–76. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.5.14>
8. Каноны, обычаи, суеверия: восприятие православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами Мордовской митрополии Русской православной церкви / Е. А. Коваль [и др.] // *Регионология*. 2023. Т. 31, № 3 (124). С. 584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>
9. Мухаметшин Р. М. Становление конфессиональной политики в России: опыт Татарстана // *Россия и мусульманский мир*. 2011. № 8. С. 40–55 URL: http://inion.ru/site/assets/files/4248/2011_8.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
10. Zakirov A. A., Kashaf Sh. R., Mukhametshin R. M. Religious Reformism and Jadidism in the Volga-Ural Region of Imperial Russia (XIX – the Beginning of XX Centuries) // *Orientalistica*. 2022. Vol. 5, no. 3. Pp. 543–556. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-543-556>
11. Karimova L. Muslim Revival in Tatarstan // *Nova Religio*. 2013. Vol. 17, issue 1. Pp. 38–58. <https://doi.org/10.1525/nr.2013.17.1.38>
12. Garipova R. Shari'a and 'Traditional Tatar Islam': From Flexibility to Protection // *Anthropological Journal of European Cultures*. 2018. Vol. 27, no. 1. Pp. 105–108. URL: <https://www.jstor.org/stable/26879444> (дата обращения: 28.06.2023).
13. Di Pippo L. The Paradoxes of a Localised Islamic Orthodoxy: Rethinking Tatar Traditional Islam in Russia // *Ethnicities*. 2019. Vol. 19, issue 2. Pp. 311–334. <https://doi.org/10.1177/1468796819828754>
14. Малашенко А. В. Ислам в России: религия и политика // *Исламоведение*. 2010. № 3 (5). С. 67–85. URL: <https://islam.dgu.ru/archive.aspx?idS=52> (дата обращения: 28.06.2023).
15. Малашенко А. В. Ислам и коммунизм: две мечты, надежды и две судьбы // *Общественные науки и современность*. 2020. № 4. С. 118–126. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990010754-1-1/> (дата обращения: 28.06.2023).
16. Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Мусульманская молодежь Татарстана: конфессиональная социализация и ценностные ориентации // *Социологические исследования*. 2011. № 8 (328). С. 123–131. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Garipov.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).
17. Ларионова Т. П. Благотворительность в избирательных округах Татарстана и адресная социальная защита населения в 90-х годах XX века: опыт сопоставительного анализа // *Вестник*

Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 318–324. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/nomera?anum=2758> (дата обращения: 28.06.2023).

18. Белинская Д. В. Отношение к добрачному поведению молодежи XXI в. (на материалах эмпирического исследования) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 3 (3). С. 70–76. URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/2413-6840/2015/3/70-76/> (дата обращения: 28.06.2023).

19. Бареев М. Ю. Ислам в контексте конфессиональной ситуации региона // Регионология. 2007. № 1 (58). С. 231–239. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2007_1.pdf (дата обращения: 28.06.2023).

Поступила в редакцию 08.06.2023; поступила после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

Об авторе:

Бареев Максим Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Turner B.S. Religion and Modern Society. Citizenship, Secularisation and the State. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975660>
2. Paine D.R., Sandage S.J. Religious Involvement and Depression: The Mediating Effect of Relational Spirituality. *Journal of Religion and Health*. 2017;56(1):269–283. <https://doi.org/10.1007/s10943-016-0282-z>
3. Scheible J.A., Fleischmann F. Gendering Islamic Religiosity in the Second Generation: Gender Differences in Religious Practices and the Association with Gender Ideology among Moroccan- and Turkish-Belgian Muslims. *Gender and Society*. 2013;27(3):372–395. <https://doi.org/10.1177/0891243212467495>
4. Vorontsova L.V., Filatov S.B., Furman D.E. [Religion in the Modern Mass Consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995;(11):81–91. Available at: <http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html> (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
5. Dubin B.V. Religious Faith in Russia of the 1990s. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1999;39(1):31–39. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-vera-v-rossii-90-h-godov> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Mchedlov M.P. [Religious Identity. On New Problems in Intercivilizational Contacts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2006;(10):33–40. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-10/mchedlov.pdf> (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
7. Antsiferova T.N. Religion in the Information Environment of Social Reality. *Theory and Practice of Social Development*. 2018;(5):73–76. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.5.14>
8. Koval E.A., Ushkin S.G., Sychev A.A., Zhadunova N.V. Canons, Customs, Superstitions: The Perception of Orthodox Church Norms and Practices by Clergy and Parishioners of the Mordovia Metropolis of Russian Orthodox Church. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>
9. Mukhametshin R.M. Formation of Confessional Policy in Russia: The Experience of Tatarstan. *Russia and the Muslim World*. 2011;(8):40–55. Available at: http://inion.ru/site/assets/files/4248/2011_8.pdf (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
10. Zakirov A.A., Kashaf Sh.R., Mukhametshin R.M. Religious Reformism and Jadidism in the Volga-Ural Region of Imperial Russia (XIX – the Beginning of XX Centuries). *Orientalistica*. 2022;5(3):543–556. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-543-556>
11. Karimova L. Muslim Revival in Tatarstan. *Nova Religio*. 2013;17(1):38–58. <https://doi.org/10.1525/nr.2013.17.1.38>

12. Garipova R. Shari'a and 'Traditional Tatar Islam': From Flexibility to Protection. *Anthropological Journal of European Cultures*. 2018;27(1):105–108. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26879444> (accessed 28.06.2023).
13. Di Puppo L. The Paradoxes of a Localised Islamic Orthodoxy: Rethinking Tatar Traditional Islam in Russia. *Ethnicities*. 2019;19(2):311–334. <https://doi.org/10.1177/1468796819828754>
14. Malashenko A. V. [Islam in Russia: Religion and Politics]. *Islamic Studies*. 2010;(3):67–85. Available at: <https://islam.dgu.ru/archive.aspx?idS=52> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Malashenko A. V. Islam and Communism: Two Dreams, Hopes and Two Destinies. *Social Sciences and Contemporary World*. 2020;(4):118–126. Available at: <https://ons-journal.ru/s086904990010754-1-1/> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Garipov Ya.Z., Nurulina R.V. [Muslim Youth of Tatarstan: Confessional Socialization and Value Orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;(8):123–131. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Garipov.pdf> (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
17. Larionova T.P. Contemporary Charity in Tatarstan and Targeted Social Protection of Population in 1990s: An Attempt of Comparative Analysis. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2009;(5):318–324. Available at: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=2758> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Belinskaya D.V. Relation to the Premarital Behaviour of the Youth of 21 Century (Based on the Material of Practical Research). *Tambov University Review. Series Social Sciences*. 2015;(3):70–76. Available at: <http://journals.tsutmb.ru/go/2413-6840/2015/3/70-76/> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Bareev M.Yu. Islam in the Context of Regional Confessional Situation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2007;(1):231–239. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2007_1.pdf (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 08.06.2023; revised 12.10.2023; accepted 17.10.2023.

About the author:

Maxim Yu. Bareev, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.